

Говоря о заемном проценте вообще, М. Нейман устанавливает, что в Северной и Восточной Германии он снизился к концу XV в. с 10—12 до 6—8,⁴⁰ причем речь идет не о ростовщическом проценте и не об ограничениях его светскими властями, а о проценте «деловом», складывающемся под действием экономических законов.

Если подытожить рассмотренные данные источников и литературы, то можно прийти к следующим выводам.

1. Открытые кредитные денежные операции между новгородцами и ганзейцами были очень редки.

2. В Новгороде, помимо признаваемого всеми исследователями ростовщического, «лихвенного», процента при займах, формально ограниченного Русской Правдой, в XV в. существовал уже в сфере действия торгового капитала деловой заемный процент.

3. Этот процент на протяжении первой четверти XV в. был равен 10 и являлся стабильным, но он был выше заемного процента в соседней Ливонии (6.25).

4. Он был примерно равен проценту при «покупке ренты» в тот же период в прусских городах и в Гдапске.

5. Зафиксированная величина заемного процента относится ко времени скачка в развитии денежных отношений в Новгороде, когда там была начата чеканка собственной серебряной монеты.

И. Г. СПАСКИЙ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЗЛАТНИКАХ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА

Первые экземпляры древнейших русских монет в Киеве в 1790-х годах сперва определились как местные находки и в начале XIX в. получили широкую известность. Подлинность их несколько неожиданно признал даже Н. М. Карамзин, хотя это находилось в полном противоречии с господствовавшим тогда в трудах историков учением о кожаных деньгах — «ассигнациях» наших предков и с его собственными высказываниями.

После десятков лет растерянности, сомнений в принадлежности киевских находок и еще выявлявшихся после них новинки, а иной раз даже сомнений в порядочности владельцев прославившихся редкостей, после попыток приписать непонятные монеты западнославянским государствам или хотя бы Осмомыслу Галицкому, наконец, после довольно коффузного «посягательства» на болгарские монеты с соблазнительным именем Святослава споры вспыхнули с новой силой, когда в 1852 г. фонд этих монет во много раз увеличился благодаря находке близ Нежина клада «сребреников» и далее стал регулярно нарастать.

⁴⁰ Ibid., S. 525—526, 537.

Принадлежность загадочных монет России стала фактом; теперь спорили о времени и месте чеканки, о ее длительности, конкретной принадлежности монет определенным князьям и т. д. Мучительно преодолевалась былая методологическая беспомощность нумизматики. Два ранее всего прочтенных на монетах имени определяли позиции споривших: «Владимир и Ярослав или Ярослав и Владимир? Естественно, складывались две схемы: ключевым стало имя Владимира. Либо чеканку этих христианских монет начинает Владимир Святославич, либо заканчивает Владимир Мономах.

Вторая точка зрения наметилась и получила некоторые обоснования раньше. Летописи никак не отметили появление собственных монет древней Руси, но поиски в них хотя бы намеков на это неизбежно приводили к рассказу о перенесении Мономахом мощей Бориса и Глеба в 1115 г., свидетельствуя, что какие-то серебряники тогда были известны. Это название прочно пристало к повообретенным серебряным монетам, а название «златник» напрашивалось уже само собою. Кроме того, первый златник стал маленькой сенсацией тогда же, когда умами завладело неизмеримо более значительное открытие — «Слово о полку Игореве». «Русское злато» в нем звенит на девичьих монетах. Все это уже могло как-то ориентировать в конкретизации имен и в датировках. По-видимому, из таких соображений исходил Н. М. Карамзин, когда, познакомившись с серебряной монетой Ярослава и золотой монетой Владимира, предположил, что русская монетная чеканка начата при Ярославе Мудром.¹

Однако и первая «позиция» — Владимир и за ним Ярослав (а после клада 1852 г. еще и Святополк) — приобрела все больше сторонников по мере роста конкретных нумизматических знаний. Видная роль в этом принадлежала русскому востоковедению, установившему, что происходивший с начала IX в. мощный приток на Русь серебряников — арабских монет — иссякал где-то в начале XI в., с чем можно было даже непосредственно связывать возникновение собственной русской чеканки. Русский серебряник был гораздо ближе по виду и весу к дирхему, чем к сменившему последний в XI—XII вв. европейскому денарию, а в первой четверти XII в. угас приток и денариев. Наступил длительный «безмонетный период».

Принятые в настоящее время датировка древнерусской монетной чеканки (980-е — 1017 г.) и атрибуция монет (Владимир I и Святополк в Киеве, Ярослав в Новгороде) окончательно оформились в результате ряда исследований и открытий послевоенных лет.² Но в их основе остается классификация, разрабо-

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. II. СПб., 1816, прим. 56.

² В. Л. Янин. 1) Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956; 2) Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. I. Печати X—начала XIII в. М., 1970, с. 34—41; И. Г. Спас-

танная И. И. Толстым (1858—1916 гг.)³ и дополнительно обоснованная Н. П. Бауером (1888—1942 гг.).⁴ Вполне понятно, что эта классификация нуждалась в существенной доработке с учетом той критики, которую в течение четырех десятилетий вызывали их труды. В этом плане выполнена и излагаемая ниже разведка.

Монография И. И. Толстого, к работе над которой он приступил 19 лет от роду, вышла в 1882 г. Он изучил весь доступный тогда монетный материал; уже во время его занятий стали известны монеты открытого в 1876 г. второго, Киевского, клада сребреников, который состоял из монет только одного типа, ранее известного по единственной находке. Толстой создал безупречную классификацию монет Владимира, в которой использовал выявленные им перечеканки сребреников из одного типа в другой. Это наблюдение впервые сделал еще Я. Я. Волошинский, когда описывал сребреники первого клада 1852 г.⁵ Таким путем Толстой установил истинную последовательность смены четырех типов сребреников с именем Владимира и доказал принадлежность их всех одному князю. Но первый из них, самый ранний, в отличие от остальных представляет собой более небрежное и грубое, чем оригинал, повторение общего типа златников с тем же именем. Поэтому и место златников в классификации логически определялось или перед первым типом сребреников, или рядом с ним.

И. И. Толстой оценил разумность подхода Волошинского к классификации и вслед за ним пренебрег ортодоксальным нумизматическим пониманием термина «тип», подразумевающим совершенно не различимые по их штемпелю монеты. То, что Толстой объединял в типе, охватывало монеты многих штемпелей, имевшие определенные особенности композиции обеих сторон. К такому подходу, избавлявшему от опасности увязнуть в несущественных деталях, ближе всего был бы иконографический термин «пзвод». Наблюдения технологического характера убеждали исследователя в крайней кратковременности киевской чеканки.

Монеты Святополка, известные по Нежинскому кладу, могли принадлежать только Святополку Окаянному, а это вполне обоснованное решение отчасти уже подталкивало И. И. Толстого

ский. Насущные вопросы изучения русских монет X—XI вв. Сообщ. Гос. Эрмитажа, 1961, вып. 21; А. А. Медынцева. 1) Сребреник из Заречья на Стугне. СА, 1965, № 1, с. 289—291; 2) Сребреники из Новгорода Малого. СА, 1969, № 4, с. 259—260.

³ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. Нумизматический опыт. СПб., 1882.

⁴ Н. П. Бауер. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. Изв. РАИМК, 1927, вып. V, с. 296—318.

⁵ Я. Волошинский. Описание древних русских монет, принадлежащих Минц-кабинету Университета св. Владимира, из числа найденных близ Нежина в мае месяце 1852 г. Киев, 1853.

к его единственному крупному промаху: ему казалось, что рядом с монетами Святополка непременно должны занять место монеты этого же вида Ярослава. К такому решению влекло еще одно старое недоразумение: первые две монеты, золотая и серебряная, с именем Владимира, но разные по композиции, появились у киевских коллекционеров во второй половине 1790-х годов как местные находки. О серебряной было доподлинно известно, что ее нашли в Борисполе. Но еще один сребреник особого типа, с великолепным изображением св. Георгия и надписью «ярославле серебро» вскоре оказался в московской коллекции А. И. Мусина-Пушкина, и после того, как киевские находки через полтора-два десятка лет получили широкую известность, появились сведения, что и эта монета происходит из Киева, что весьма сомнительно. Г. И. Головкин, который умер в 1787 г. и которому приписывались находка и присылка ее из Киева Мусину-Пушкину в 1792 г., никак не мог это сделать!⁶ К тому же все позднейшие находки «ярославля серебра» неизменно тяготеют к северо-западу страны.

Несмотря на очевидные стилистические и фактурные особенности, Толстой считал и «ярославле серебро» киевской монетой. Тем легче было ему настаивать на принадлежности Ярославу монет двух никуда не «пристраивавшихся», по его мнению, типов, явно киевских, но со спорными легендами. Он предложил читать последние как «Георгий». (В. Л. Яниц, исходя из особенностей княжеского знака, отнес их к чеканке Святополка, а усматриваемую им надпись «Петр» считает крестильным именем Святополка).

Замечательно, что сребреники в огромном большинстве сохраняют точные данные о происхождении. Больше 3/4 их составляли монеты обоих кладов, большинство одиночных находок были паспортизированными, а четыре монеты происходили из кладов смешанного состава, содержавших в основном иноземные монеты. Это позволяло обратиться к испытанной методике относительной, «ограничивающей», датировки отдельных монет по дате захоронения самих кладов. Толстой знал четыре таких клада, но Н. П. Бауер увеличил их число до семи. Такие клады состоят из дирхемов, которые для XI в. представляли уже «остаточную» часть восточноевропейского денежного обращения, а наиболее «активный» слой в них составляют хорошо датирующиеся по годам правлений денарии многих правителей различных государств Европы; присутствуют также византийские милларисии и другие, порою очень редкие, но достаточно точно датирующиеся монеты. Всегда близкие по времени чеканки различные младшие монеты любого из этих кладов не уходят за

⁶ К. Калайдович. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа А. И. Мусина-Пушкина. Записки и труды ОИДР, ч. II, М., 1824, отд. II, с. 7—10.

середины XI в. Примененный к древнерусским монетам впервые, этот способ датировки для Толстого имел первостепенное значение.

В отличие от сребреников, все десять златников, которые были известны Толстому (с того времени их количество не увеличилось), не имели никаких данных о происхождении. В классификации И. И. Толстого они, как указывалось, получали место только по композиционному сходству со сребрениками первого типа. В поисках датировки Толстой стремился найти в византийском золоте монетный тип, который мог быть исходным для русского мастера при изготовлении штемпелей для златника. Какое значение исследователь придавал этому вопросу, видно из того, что после выхода монографии он в течение 10 лет не возвращался к ее материалу, а посвятил эти годы только занятиям византийской нумизматикой! В 1893 г. он повторил свой вывод: «оригиналом» златника мог быть только солид (номисма) Василия II и Константина VIII (976—1025 гг.) — монета, особенно частая в русских кладах византийского золота.⁷

Среди критиков, отвергавших концепцию И. И. Толстого, главное место принадлежит А. В. Орешникову. После ряда высказываний, бравших под сомнение атрибуции Толстого и доказывавших, что вершину расцвета и могущества древней Руси представляет княжение Владимира Мономаха, в 1930-х годах Орешников опубликовал вынашиваемую им десятки лет классификацию, а точнее, атрибуцию, поскольку он лишь расставил по-своему установленные Толстым типы. Исходя из этнографических аналогий, он обосновывал атрибуции усматриваемой им динамикой формы паходящихся на всех монетах княжеских знаков. Достоверность дат кладов, определяемых по их монетному составу, А. В. Орешников решительно отрицал,⁸ считая, что подбором оказавшихся в кладе монет управляет слепой случай, хотя с 1920-х годов выходили работы Р. Р. Фасмера (1888—1938 гг.) — создателя учения о закономерности состава средневековых кладов Восточной Европы.⁹ Так же категорически отвергались оригиналы златника в византийской чеканке X — начала XI в.

⁷ И. И. Толстой. О древнейших русских монетах X—XI вв. ЗРАО, 1893, вып. VI, с. 310—382.

⁸ А. В. Орешников. 1) Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах. Археол. известия и заметки, № 10, 1894; 2) Русские монеты до 1547 г. Российский исторический музей имени имп. Александра III. Описание памятников. М., 1896, с. IX; 3) Задачи русской нумизматики древнейшего периода. ИТУАК, 1918, № 54, с. 20—32; 4) Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. ИАН, серия VII, Отд. гуман. наук, 1930, с. 87—112; 5) Денежные знаки домонгольской Руси. Труды ГИМ, 1936, вып. 6.

⁹ Р. Р. Фасмер. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. ИАН, VII серия, Отд. общ. наук, 1933, № 6—7, с. 273—284.

Классификация А. В. Орешникова сводилась к следующему: после чеканки Ярослава в Новгороде три киевских князя выпускают сребреники, каждый для себя, помещая на них то языческие, то крестильные имена; последний князь — Владимир Мономах — ранее имел особые сребреники для Переяславского княжества, а еще раньше — златники и сребреники для Черниговского княжества. Еще один тип приписывался вышгородскому князю. Вся чеканка укладывается в столетие; она производилась только на «Киевском монетном дворе»: этим объясняются перечеканки, как случайные ошибки монетчиков.

Оригинальность этой, по сути чисто формалистической, классификации, сулившей легкое определение любой монеты по имеющемуся на ней признаку, с одной стороны, и критика трудов И. И. Толстого, преувеличивавшая значение его ошибок, — с другой, на время принесли довольно широкое признание последним публикациям А. В. Орешникова, но в послевоенные годы их обаяние быстро поблекло.

Дальнейшие успехи методики исследования состава кладов, сфрагистические исследования В. Л. Япина, сводящие на нет разработанную А. В. Орешниковым схему трансформаций княжеских знаков, изучение оказавшейся очень своеобразной техники изготовления сребреников, замечательные по точности датировки находки экспедиции Б. А. Рыбакова на Стугне и другие находки и наблюдения многократно подтверждают правоту И. И. Толстого. Исследование архивных материалов кладет конец «беспаспортному» состоянию златников: и на них может быть распространена датировка по принесшим ихкладам.

Первый златник с изображением сидящего князя на одной стороне и Пантократора — на другой был куплен в Киеве у солдата украинца, сообщившего, что он получил свою монету, уходя на службу в 1794 г. Последний владелец златника умудрился потерять его там же, в Киеве, в 1821 г., но сохранились сделанные со слепков рисунки (рис. 1). Его легенда «Владимир, а се его злато» долго оставалась уникальной.

Когда И. И. Толстой приступал к своему исследованию, сперва ему было известно только шесть златников с легендой «Владимир на столе», представлявших по их штемпелям четыре разновидности. О четырех из них можно было думать, что они с незапамятных времен находились в Эрмитаже (рис. 2, 1—4). В 1805 г. Ф. И. Круг, годом ранее начавший работать в Минцкабинете, писал о них: «... некоторые в Эрмитаже находящиеся греческие солиды позднейших времен... могли бы даже заставить думать, что... они сделаны в России».¹⁰ Пятый златник поступил туда же в 1858 г. с купленной коллекцией Я. Рейхеля

¹⁰ Ph. K r u g. Zur Münzkunde Russlands. S.-Petersburg, 1805, S. 51. Цит. по: Критические замечания о древних русских монетах. СПб., 1807, с. 64.

Рис. 1. Златник, приобретенный в Киеве в 1796 г., потерянный там же в 1821 г.

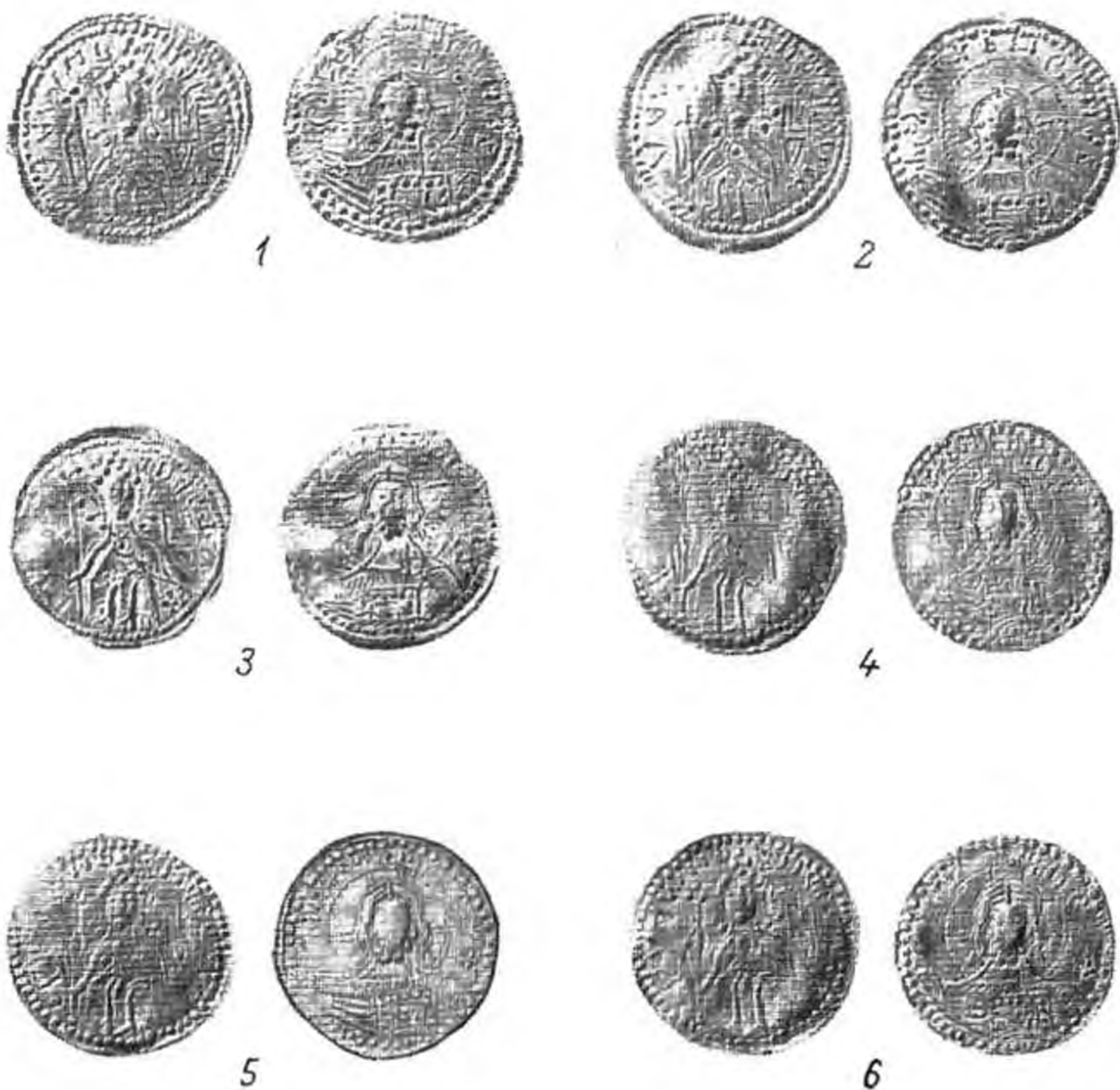

Рис. 2. Златники Пинского клада 1804 г.

Рис. 3. Златник, приобретенный в Киеве в 1876 г.

Рис. 4. Златники Кипбурнского клада 1863 г.

(рис. 2, 5), а шестой принадлежал Минц-кабинету Кунсткамеры Академии наук. Его завещал туда академик Ф. И. Круг, получивший его в подарок от Н. П. Румянцева (рис. 2, 6).

История двух «коллекционерских» экземпляров — Рейхеля и Румянцева — может быть прослежена по документам вплоть до 1822 г., когда они почти в одно время были приобретены в Петербурге неизвестно от кого названными коллекционерами.¹¹ Важно отметить, что обе монеты совершенно одинаковы (чеканены одной и той же парой штемпелей) и идентичны одной из четырех эрмитажных. После Круга, не назвавшего количества привлечших его внимание монет в коллекции Эрмитажа, наличие четырех златников (уже как русских монет) отмечено в приемочной описи золотых монет, составленной в 1838 г. после смерти хранителя Минц-кабинета Карла (Егора Егоровича) Келера.

Могло бы показаться, что четыре златника издавна, с екатерининских времен, находились в Эрмитаже. В счастливо сохранившемся старейшем каталоге римских и византийских монет, начатом в 1780-х годах первым хранителем Минц-кабинета А. И. Лужковым и в большой спешке законченным Келером к 1803 г., в разделе «Caesares ex auro», вслед за подробным описанием ничтожного количества — трех! — поздневизантийских монет суммарно записаны *quattuor numi minimi moduli, gothici incogniti* — «четыре монеты малого модуля (размера), варварские, неопределенные»; но это не златники! В новом каталоге тех же монет конца 1820-х годов уже подробно описаны пять различных золотых *incogniti*, и лишь одному экземпляру соответствует запись 1829 г. в первой книге поступлений Минц-кабинета, начатой 9 мая 1804 г. Следовательно, ничего не остается, как искать златники в поступлениях 1804 г., поскольку в 1805 г. они уже заведомо были в Эрмитаже. Первая же запись книги гласит: «Двадцать древних византийских монет из золота, найденных в земле в Пинске... Эти монеты, хотя и не являются редкими, составляют хорошее пополнение для императорского Кабинета, который совсем не имеет Романа Дигениса (Романа IV, 1067—1071 гг., — И. С.) и его преемников».

Документ Придворной конторы от того же числа (9 мая 1804 г.) уточняет, что пинский шляхтич Рыдзевский доставил «двадцать старинных золотых медалей» (монет).¹² Для дело-

¹¹ О монете Рейхеля см.: ААН СССР, ф. 89, оп. 2, № 94, л. 71—73. (письма Н. П. Румянцева к Ф. П. Аделунгу, апрель и май 1822); Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Н. П. Румянцевым и с некоторыми другими современниками с 1803 по 1825 г. Воронеж, 1885, с. 56 (письмо Румянцева от 17 апреля 1822 г.). О монете Румянцева см.: ААН СССР, ф. 88, оп. 2, № 115, л. 6 (записка Румянцева Ф. И. Кругу, датируется по бумаге июньских писем 1822 г.), 136, 176 (Румянцев отправляет златник Кругу в письме в 1824 г.).

¹² Архив Эрмитажа, ф. 1, оп. 1, № 5 и 1.

производства Минц-кабинета тех лет характерно, что в приход по книге поступлений записывались только монеты, вкладываемые в систематическую коллекцию. При этом никакого учета скопившихся дублетов монет, несмотря на многократные требования Придворной конторы, у Келера не существовало. Только приемочная опись 1838 г. впервые выявила и охватила наряду с монетами коллекции «излишки» отмеченного происхождения.

Итак, сверх четырех златников в 1804 г. в коллекцию прибыло восемь византийских монет, а еще восемь монет принятого клада оказались дублетами либо к ранее имевшимся в коллекции монетам, либо к вводимым в нее из клада. Но в таком случае, если бы среди дублетов были и златники, они должны во всем быть подобными хотя бы одному из вложенных в коллекцию, а именно таковы и были оба златника, оказавшиеся в 1822 г. у двух виднейших и не считавшихся со средствами коллекционеров Петербурга. Поэтому представляется наиболее вероятным, что обе столь редкие монеты происходят из дублетов клада 1804 г. и каким-то образом ушли из Минц-кабинета Эрмитажа. Пареканий подобного рода в отношении Е. Е. Келера было более чем достаточно.¹³

Отправляясь от названной описи, с одной стороны, и от количества поздневизантийских монет по данным каталога на 1803 г. — с другой, и исключая при этом зафиксированные книгой поступления за 1805—1837 гг., одиночные золотые византийские монеты, мы получаем возможность «блокировать» золото Пинского клада в виде излишка, оказывающегося в описи 1838 г. Сама запись 1804 г. подчеркивает, что клад состоит из монет, «не являющихся редкими», и называет как ориентир для нас Романа IV, в Эрмитаже тогда не представленного. К сожалению, остается непонятным, были ли в клада монеты Романа IV. Стремя поздневизантийскими золотыми, значившимися в старом каталоге на 1803 г., и с четырнадцатью монетами Пинского клада (златники не считаем!) требуется найти семнадцать монет. Избыток в описи чуть больше: в ней одних только золотых Василия II и Константина VIII — 13, Романа IV — 4 да еще Никифора Востаната (1078—1081 гг.) — 2.

Если учесть неясность упоминания о Романа и «преемниках», то в указанном наборе монет остается наиболее убедительным обилие золота Василия II и Константина VIII — монет наиболее обычных для русских находок. Всего вернее, что они и составляли ядро Пинского клада, который может быть датирован только в пределах XI в.

Приступив к исследованию в 1877 г. и описав шесть упомянутых выше монет, И. И. Толстой вскоре познакомился еще с двумя златниками. Экземпляр киевского коллекционера С. В. Бо-

¹³ И. Г. Спасский. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минц-кабинета — отдела нумизматики. Нумизматика и эпиграфика, 1970, т. VIII, с. 138—140.

дилевского, по его сообщению, был куплен в 1878 г. у базарного торговца за 15 руб. (подарен Бодялевским Киевскому историческому музею, рис. 3). Второй златник по просьбе покровительствовавшего юному исследователю хранителя эрмитажного Минцкабинета А. А. Куника на время прислал в Эрмитаж известный одесский коллекционер-нумизмат Н. Н. Мурзакевич (рис. 4, 1).

В связи с неудавшейся попыткой Толстого выменять эту монету ее владелец в письме от 13 марта 1881 г. поделился с А. А. Куником воспоминаниями. «Приобретя монету в 1863 г. с двумя византийскими за 16 рублей, столь выгодную покупку я тогда же обрек на жертву собираемому Музею одесского Общества... я определил редкое произведение славянины, которое *in toto* признаю болгарским, положить во главе русской коллекции».¹⁴ (Монета находится в Одесском историко-археологическом музее). Бесспорность даты приобретения подтверждается упоминанием в том же письме С. Г. Строганова, предлагавшего Мурзакевичу обмен еще в 1865 г.

В статье 1893 г. И. И. Толстой публикует еще два златника — экземпляр великого князя Георгия Михайловича (рис. 4, 2) и собственный, «приобретенный покупкой в Одессе» (рис. 4, 3).¹⁵ Хорошо известно, что покупки для обоих коллекционеров и любые сделки осуществлял их общий наставник в нумизматике Х. Х. Гиль. Архив великого князя сохранил дату приобретения — 1886 г. и зафиксировал цену златника — 1300 руб.¹⁶ То и другое, по всей вероятности, нужно относить к обеим монетам, приобретенным в отличие от Мурзакевича уже не у простодушного находчика клада, а у разбирающегося в ценности монет дельца.

Таким образом, имеются основания отнести по крайней мере три из четырех новых златников к какому-то кладу византийских и русских монет из Новороссии. Сохранился составленный известным нумизматом «южанином» П. О. Бурачковым в 1871 г. список известных ему кладов Новороссии. Последний в списке клад найден в 1867 г., а перед ним без даты находки записан «клад, состоявший из золотых византийских монет: найден пастухами на берегу Днепровского лимана, в 40 верстах от к. (крепости, — И. С.) Кинбурна. 33 штуки из этой находки поступили в мою коллекцию, а остальные разошлись по разным рукам».¹⁷

Несколькими годами позже П. О. Бурачков вернулся к этому кладу в статье 1873 г. об античном городе Каркинитесе: Она включала далеко выходящую за хронологические рамки темы историко-географическую характеристику района Нижнего Днепра и его лимана. В ней говорится: «... нам самим удалось приобрести 43 авреуса времени императоров Константина X, Романа II.

¹⁴ ААН СССР, ф. 95, оп. 2, № 615, л. 10.

¹⁵ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты... с. 350.

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 530, оп. 1, № 93 («Сведения о суммах... 1903»).

¹⁷ Архив ЛОИА, ф. 28, 1880 г., № 22, л. 47.

Василия I, Константина VIII и Иоанна Цимисхия».¹⁸ (Десяток монет уже успел уйти «в разные руки»). Можно по-разному объяснить то, что П. О. Бурачков, довольно подробно останавливаясь в статье на русско-византийских связях (по его убеждению, клад был зарыт по пути из Константинополя в Россию!), не отметил наличия среди монет клада златников; но клад ранее всего поделили между собою паходчики-пастухи, от которых он уже разошелся «в разные руки», в руки местных коллекционеров и перекупщиков. Наличие златников — редчайших монет — даже и не обязательно в доставшейся Бурачкову части клада.

Скрытность коллекционеров вообще известна, а в данном случае ее усугубляло еще и то, что фактически клад был расхищен, так как законное право на него принадлежало либо особенно внимательной к пумизматическим находкам с территории Причерноморья императорской Археологической комиссии (если находка была сделана на казенных или удельных землях), либо частному землевладельцу. Поэтому и лица, к которым попали немногочисленные златники, предпочитали не распространяться об этом в ожидании всепрощающей «давности». Нельзя игнорировать и проткрываемое письмом Мурзакевича особое отношение пумизматов Юга к атрибуции златников. Для них еще со времени нашего убежища в Одессе болгарского ученого Н. Априялова спорный вопрос решался все еще в пользу Болгарии.¹⁹

Две из трех одесских монет по их итемпеию представляют ближайшую аналогию к двум златникам Плиского клада (ср. рис. 4, 7, 2 с рис. 2, 7, 2), но третья монета, экземпляр П. И. Толстого, принадлежащий Эрмитажу, куда он был передан в 1917 г. сыном собирателя, И. И. Толстым-младшим, вместе со всем грандиозным собранием, очень отличается от любых других златников, даже по цвету металла и несколько более низкой его пробе. Но и подозревать в ней фальсификат нет достаточных оснований.

Киевская монета С. В. Бодилевского особенно интересна тем, что ее легенда такова же, как на самой первой, тоже киевской монете, потерянной в 1821 г., — «Владимир, а се его злато». Естественное предположение о находке потерянной монеты отпадает — в форме кружков нет ничего общего. Этот златник тоже мог бы принадлежать к кладу 1863 г., но это остается недоказанным, так же как недоказуема большая возможность принадлежности ее к Киевскому кладу сребренников 1876 г., который в значительной части был растащен, прежде чем его владелец осознал, какой ценностью обладает. Принято считать, что золото редко встречается в кладах вместе с серебряными монетами, но исключить такую возможность нельзя.

¹⁸ П. О. Бурачков. О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих. ЗООИД, 1875, т. IX, с. 39. — Статья датирована 1873 г.

¹⁹ См.: И. В. Соколова. Древнеболгарские монеты в музеях СССР. Византийский временник, 1958, т. XIII, с. 263—281.